

Александр ИНШАКОВ:

Кто не боится — долго не живет

Я ждал своего собеседника на углу гостиницы (пардон, отеля) "Метрополь". Пришел чуть раньше и рассматривал окружающую публику, ну просто так. Но когда человек, которого ожидал, подошел ко мне, я первым делом спросил: "А вот видите, там в "ауди" три "быка" сидят скучают. А я тут прикидываю: вы их в случае чего урете или нет?"

Вопрос был не праздным, поскольку я караулил Александра Иншакова, президента Российской ассоциации каскадеров.

Он улыбнулся:

— Ну все зависит от ситуации.

— А в жизни вам приходилось применять свои боевые навыки?

— И это бывало, конечно. Все мы люди...

— Успешно?

— Ну, как правило, успешно.

— А как насчет поговорки "против лома нет приема"?

— Ну если сзади треснут ломом по голове — это действительно тяжело. Когда не видишь. А так в принципе что-то предпринять можно.

— Понятно. По идее в вашу профессию должны идти спортсмены, но они часто не годятся для этого.

— Не то чтобы часто — не все, я так бы сказал. Здесь, кроме умения владеть телом и самим собой, есть еще целый ряд требований. Прежде всего умение работать в коллективе. Как говорится — ложиться под актера. То есть для того, чтобы "поднять" самого актера, его партнер зачастую должен выглядеть не совсем презентабельно. Ну иногда.

— Ему бац по рылу — и он должен красиво улететь.

— Да, и поэтому морально спортсменам — а у нас бывают заслуженные мастера спорта, международники — в этот момент, может быть, трудно себя поломать. И потом, каскадерам приходится делать и какую-то черную работу. Сам момент трюка — это секунда-две, а подготовка к нему тяжела и иногда не очень приятна. Нужно и гайки крутить, и землю рыть... Иногда нужно костыли ложиться, чтобы твой товарищ не разбился, — это крайне редко, но бывает. И люди должны быть к этому готовы. И те, кто этого не понимает, в нашей профессии не уживаются.

— Насколько я разбираюсь в вашей профессии, самое тяжелое — не исполнение трюка самому, а ответственность за других.

— Безусловно. Я, прежде чем дозволить кому-то чего-то делать, все проверяю на себе, а потом уже показываю, объясняю. И стараюсь, чтобы травматизм был сведен к нулю. В принципе мне это удается: ребята, которые со мной работают, — практически, по-моему, никто из них не ломался. И я, в частности, тоже.

— Так уж и никогда?

— Ну были травмы, безусловно... Руки... Ноги... Там по мелочам — ребра, голеностоп...

— Да — совсем немножко.

— Это так, в порядке вещей. Как правило, после каждой работы более или менее серьезные травмы имеются.

— Я знаю, что каскадеры об этих вещах не очень любят говорить. Брак в работе?

— Не то чтобы брак... Раньше ведь считалось: если на съемках произошла травма — это ЧП в масштабе "Мосфильма". Поэтому мы старались, даже если были травмы какие-то, об этом молчать. Конечно. Это было не в наших интересах — оглашать.

Ведь в советские времена профессия каскадера была как бы полулегальной. Просто официально как таковой профессии не было. Поэтому, чтобы работать в кино, людям приходилось устраиваться кому куда — дворниками, как-то еще... Вот мне, в частности, повезло: я был тренером и сам выступал и мог параллельно со спортом заниматься своим любимым делом — работой в кино. Но не все могли себе это позволить. Вечные проблемы с отделом кадров на "Мосфильме" — особенно если дело касалось выезда за рубеж. В частности, у меня сложилась такая ситуация: на картине "Одинокое плавание" я был постановщиком трюков, сам снимался, но тем не менее меня не выпустили на Кубу.

— Уж на Кубу-то, елки-палки...

— Поэтому и картина, я считаю, потеряла многое в смысле трюков. Там снимались местные кубинские каскадеры, от которых наша группа была в ужасе.

— Ленивые?

— Просто люди непрофессиональные. Они не знали, что такое кино. Одно дело, условно говоря, уметь лазать по пальмам и прыгать в море, а другое дело — работать в кино.

— Вы говорите, что работали тренером — это было карате, насколько я могу судить хотя бы по фильму "Крысинный угол"?

— Карате, дзюдо...

— Это влечение к боевым искусствам — с детства?

— У меня отец был преподавателем физкультуры в школе.

— А вам сейчас?

— 50. И в пору детства, юности, кроме спорта, было ничем заниматься. К сожалению. Или кружки во Дворце пионеров — или бегай по улице, гоняй голубей. Такая серая обычная жизнь — вино, кино, домино.

— А вы что, со шпаной не якшались?

— Я в этом принимал участие, как и все. Драки, разборки между дворами, улицами — это все было. К счастью, спорт меня затянул очень сильно, и улица осталась в стороне.

— Как дается овладение разными аспектами профессии?

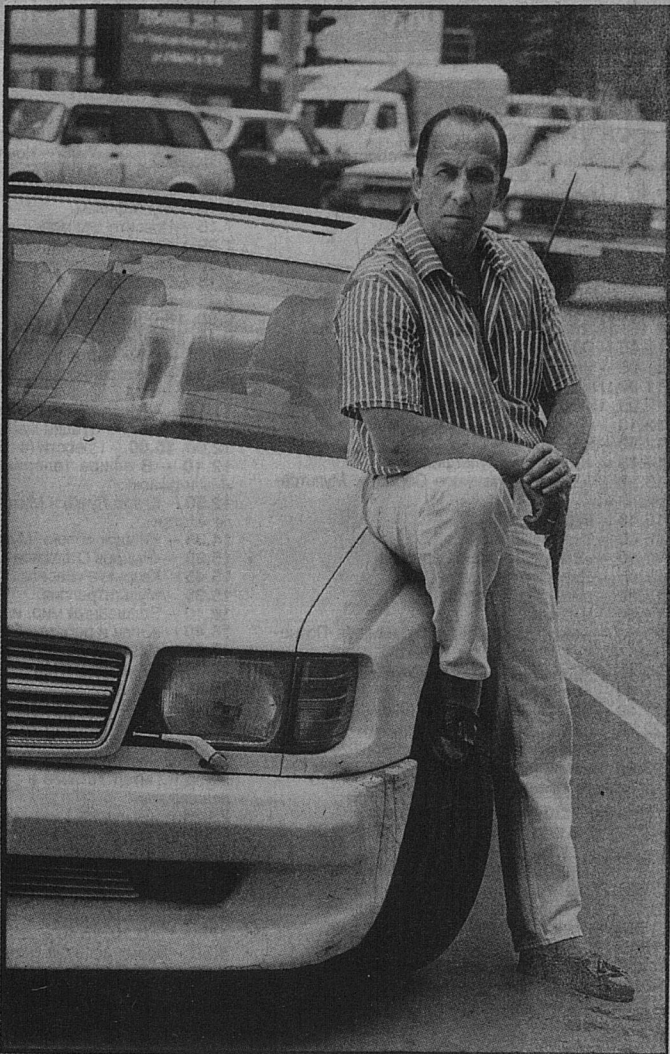
— Я пришел в кино как рукопашник, драчун, акробат, гимнаст. Но в кино собираются представители разных профилей — конники, технари, авто- и мотоспециалисты, и мы друг у друга учимся. Специфика работы позволяет, допустим, легко освоить технику обращения с холодным оружием... Осваиваешь пиротехнику, работу с огнем, высотные дела — ну тут-то мне не привыкать, я ведь гимнаст, сам учил ребят падать. Вся жизнь — это учеба.

— Вы, наверное, ощущаете себя таким "мужиковским мужиком"?

— Я себя нормально ощущаю — уверенно, я бы сказал так. Не более того. Но это, наверное, зависит от характера человека: как он хочет, так себя и ощущает. Некоторые ощущают себя суперменами, но я практически в кино их не встречаю. В нашей профессии, как ни странно, уживаются люди достаточно уравновешенные и в то же время готовые на взрыв.

— У вас в "Крестноносце" было много интересных трюков. А есть ли у вас какой-то трюк-мечта?

— Будет необходимость придумать какой-то супер-

трюк — будем соображать. Ведь трюки, которые делаем, — они вытекают из сюжета картины. То есть не трюк ради трюка, а трюк ради работы.

— Хорошо, я спрошу иначе. Вы гордитесь особенно каким-либо из своих трюков?

— Нет, я горжусь только картиной, которую я делаю, — от этого я получаю удовлетворение.

— Например, "Человек с бульвара Капуцинов"?

— Да, но ведь там трюки ради содержания. Поэтому и фильм прозвучал, нравился.

— Как вы там столы ломали...

— Все специально продумывали, выбирали такие породы дерева, чтобы можно было работать с минимальными травмами. Специально отливали стекла, бытовую посуду. И ребята работали так — от души... Надо отдать им должное.

— Меня всегда поражало, как в американских фильмах так здорово бьются стекла.

— Они сделаны из низкомолекулярной смолы. Мы по этой технологии делаем стекла небольшого формата, бутылки. Но иногда бывает так: отлил бутылку, а она оказалась крепче, чем настоящая.

— Чем настоящая голова?

— И такое бывает. А американцы делают огромные витринные стекла, и с ними, конечно, работать — одно удовольствие. А у нас, если идет работа с большими стеклянными поверхностями, это стекло настоящее.

— Бр-р...

— Но мы стремимся к тому, чтобы освоить западную технику.

— В связи с этим: я знаю, что мы до сих пор прыгаем на картонные коробки. То есть вы. И до высоты пятого этажа это ништяк. А если восьмой — тут уже нужна западная воздушная подушка?

— И на них люди разбиваются. На Западе недавно девушка прыгнула, и ее с подушки выкинуло, как с подкидного мостика. Но, безусловно, пневматический мат — это замечательная вещь. Мы пока да — работаем с коробками.

— И как?

— Тоже есть свои сложности. Мы прыгаем — практически до 40 метров высота падения, — и ничего. Единственный несчастный случай был с Сашей Каринным — с 28 метров упал неудачно. Он не высотник по

большому счету. И их группа работала, к сожалению, больше "на ура". Отчаянные ребята, море по колено... В результате все поломаны, побиты. И Саша со всеми своими травмами захотел сделать красивый затяжной прыжок... Чисто технически ему нужно было решить приход по-другому.

— Я избегаю спрашивать вас о подобном рода вещах — это момент весьма болезненный.

— Конечно.

— Что такое кайф каскадера?

— В любом трюке — конном, автомобильном, связанном с горением или высотой — есть момент преодоления страха. Ведь человек, который не боится, долго не живет.

— Он дурак?

— Прежде всего дурак. А потом — не долговитель. Кончает он плохо. Надо бояться. Но когда ты этот барьер преодолел, тут и начинается самый кайф. Какой-то шаг в твоей жизни...

— Вы себя считаете храбрым человеком?

— Н-н-ну как... Трезвым, я бы так сказал.

— Вы дублировали знаменитого — и очень мною любимого — Гойко Митича. Потом в одном из интервью заметили, что он довольно корявый.

— Не очень пластичный — так я скажу.

— Вроде такой здоровый мужик...

— Да, может быть, он и сам бы все сделал — без меня, но если актер получит травму, тогда картина окажется в простом, а это чересчур дорогое удовольствие.

— Но вот вы самолично играли в "Крестноносце"...

— Некоторые трюки выполнял не я. И не потому, что они мне были не под силу. Просто при этом я мог получить элементарную травму — синяк, лицо поцарапать, зуб выбить... И все — съемочный процесс пострадал бы. Поэтому, например, на "Крестноносце" прыжок через поезд выполнил не я, а Вадим Баковский. Но я мог это сделать, безусловно.

— А как бы вы определили свой характер?

— Я очень спокойный, уравновешенный...

— Да? Понятно. Не будите спящего льва, что ли?

— Спящего льва? Ну если понадобится, придется разбудить. Куда денешься.

Фото
Виктора
СМОЛЬЯНИНОВА.